

5-й Восточно-Сибирекій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Намъ положительно подъ самымъ носомъ непріятеля приходилось работать и, конечно, больше по ночамъ, хотя и днемъ мы работъ не прекращали, когда огонь непріятеля не былъ особенно силенъ.

Хорошо, что 5-й полкъ настолько наострился въ окопномъ дѣлѣ, что стоило только сказать, чтобы такая-то гора была бы укрѣплена, и офицеры и даже унтеръ-офицеры уже прекрасно знали, что имъ дѣлать, безъ указанія специалистовъ, которыхъ, кстати сказать, у насъ не было ни одного человѣка.

Обратно отбирать передовыя горы генераль Кондратенко не хотѣлъ, такъ какъ онѣ особеннаго значенія не имѣли, а удержаніе ихъ стоило бы намъ очень большихъ потерь.

Послѣ 2-го августа на нашемъ флангѣ наступило сравнительное спокойствіе, но въ расположеніе полкового штаба частенько стали залетать не только пули, но и гранаты. Пришлось перенести его дальше въ тылъ къ ручью, текущему вдоль дороги изъ города на Высокую гору. Отъ большого шатра для столовой пришлось отказаться, такъ какъ онъ былъ виденъ издали.

Японцы при атакахъ на предгорья положили также не мало

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» г. № 4.

людей. Ихъ потери нужно считать тысячами. Особенная убыль у нихъ была при атакѣ Воковой горы, гдѣ они, вѣроятно, внезапно наткнулись на наши сѣти и вели безчисленные атаки; около этихъ сѣтей были навалены цѣлыя груды убитыхъ. Должень сказать, что съ предгорій насъ сбиль артилерійскій огонь, а не атаки непріятельской пѣхоты. Теперь для всѣхъ насъ ясно, что значить преобладаніе въ артилеріи.

Сторона, одолѣвшая непріятельскую артилерію, можетъ брать его позиціи безъ особенныхъ усилій.

подавивъ артилерійскій огонь врага, нужно избрать пунктъ атаки, сосредоточить на немъ огонь своей артилеріи и затѣмъ взять его натискомъ сравнительно небольшихъ силъ, и вся позиція пала. Но для этого нужна многочисленная, доблестная и совершенная артилерія. Съ плохой или малочисленной выигрывать сраженія теперь очень трудно. Гдѣ предѣлъ увеличенія числа орудій на 1,000 человекъ пѣхоты—указать не могу, но меньше шести орудій на тысячу человекъ пѣхоты положить нельзя (одна батарея на баталіонъ полныхъ рядовъ).

Какая страшная ошибка расположить артилерію на самыхъ маковкахъ высотъ! Японцы очень ясно указали намъ на эту ошибку, но мѣнять позиціи было уже поздно.

Батареи японцевъ были рѣшительно невидимы и дѣйствовали по нашимъ стрѣлкамъ также спокойно, какъ на полигонѣ въ мирное время. Дальше они будутъ дѣйствовать, конечно, также, поэтому въ долговременныхъ укрѣпленіяхъ держаться будетъ можно, но нашему, т. е. 5-му полку, придется переживать трудныя минуты.

На Высокой горѣ нужно что-нибудь сдѣлать, чтобы можно было держаться подъ этимъ адскимъ огнемъ, парализовать который наши артиллеристы рѣшительно не въ силахъ.

Съ паденія предгорій и до ранняго утра 6-го августа мы почти спокойно проработали на нашихъ позиціяхъ, непріятель только нѣсколько беспокоилъ Угловую гору. Сознавая, что слѣдующая атака его будетъ именно на Угловую, мы сдѣлали на этой горѣ все, что было возможно для ея обороны. Лѣвый флангъ закрыли сильной проволочной сѣткой; фронтъ усилили эскарпированіемъ крутости на одну сажень вышины; правый флангъ усилили двойнымъ рядомъ траншей, изъ которыхъ верхняя была блиндирована.

На вершинѣ, для артиллеристовъ, были сдѣланы прочные блиндажи, круговая траншея была снабжена значительнымъ количествомъ блиндированныхъ траверсовъ, незначительной, впрочемъ, прочности.

Высоты къ лѣвому флангу горы (такъ называемый соединительный кряжъ) были укрѣплены окопами. На тыльной сторонѣ Главной горы былъ устроенъ погребъ для снарядовъ и патроновъ, значительной прочности, и тамъ же сдѣлали закрытіе, совершенно безопасное для цѣлой роты резерва. На тыловомъ же скатѣ горы поставили четыре полевыхъ мортиры, а на вершинѣ стояли двѣ морскихъ длинныхъ пушки, не помню калибра, кажется 150 мм., со стальными щитами, въ хорошо устроенной батарее (для дальняго обстрѣла) и въ ложементахъ четыре полевыхъ скорострѣльныхъ пушки. На сѣдловинѣ между Угловой горой и соединительнымъ хребтомъ стояли двѣ скорострѣльныхъ пушки поручика Цвѣткова.

Постоянный гарнизонъ горы составляли 3-я и 9-я роты 5-го полка (около 300 чел.). На соединительномъ кряжѣ были расположены 10-я, 11, 12-я и 6-я роты 5-го полка и одна рота 24-го.

На Длинной горѣ въ это время стояли: на лѣвомъ флангѣ 1-я рота 28-го полка капитана Сахоцкаго, 11-я рота 13-го полка, 5-я и 6-я роты Квантунскаго экипажа и 12-я рота 13-го полка. Нужно признаться, что окопы здѣсь были слабоваты противъ дѣйствія японскихъ шимозъ и шрапнели, и нужно было ожидать большихъ потерь; но что будешь дѣлать; недостатокъ времени и инструмента при скалистомъ грунтѣ не позволили сдѣлать большаго. Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что на вершинѣ Угловой горы была поставлена батарея, а не редутъ для пѣхоты. Батарея эта была поставлена еще до занятія горы 5-мъ полкомъ. Я хотѣлъ передѣлать ее на редутъ, но высшее начальство этого не разрѣшило, такъ какъ, по мнѣнію полковника Бѣлого, орудій дальняго боя некуда было больше поставить. И сколько труда мы положили на усовершенствованіе этой батареи, а главные защитники должны были ютиться въ жалкихъ окопахъ профили стоя со ступеньки. При этомъ нужно сказать, что орудія, поставленныя въ эту батарею, ближняго обстрѣла не имѣли, но привлекали на себя огонь тяжелой японской артилеріи, которая сильно мѣшала нашимъ работамъ. Я чуть было не былъ убитъ разорвавшейся около меня бомбой и только чудомъ уцѣлѣлъ, отдѣлавшись сильнымъ ушибомъ праваго бока большимъ комомъ глины.

Видъ съ сѣдловины между Высокой и Плоской на Угловую гору. На вершину этой горы ведетъ зигзагами дорога. Съ правой стороны отъ Угловой во всю свою длину—Длинная гора. Траншеи съ правой стороны фотографіи, это—правый флангъ Плоской.

Съ паденіемъ предгорій, гарнизонъ Угловой горы перешелъ на жительство въ окопы, а прежде онъ былъ расположенъ лагеремъ на тыльномъ склонѣ. Кухни были отлично устроены въ оврагѣ также на тыльномъ склонѣ.

Люди жили въ большихъ лагерныхъ палаткахъ, а гг. офицеры въ баракѣ, сдѣланномъ изъ теса.

Большихъ усилій намъ стоило сдѣлать пологую дорогу на вершину горы. Вообще на дороги, ведущія на главнѣйшія горы: Высокую, Угловую, Длинную и Плоскую намъ пришлось употребить громадное количество труда, и онъ работали все время обороны, начиная съ прихода 5-го полка на Угловыя горы. До этого прихода только на Высокую была сдѣлана довольно удобная тропинка.

Угловая гора своимъ огнемъ и высылкой командъ для воспрепятствованія обходу Боковой горы съ лѣваго фланга сильно мѣшала японцамъ; поэтому, атакуя предгорья, они не забывали и Угловую.

1-го августа въ 4 ч. 15 м. утра непріятель открылъ по Угловой сильнѣйшую канонаду и продолжалъ ее до 5-ти час. вечера. Въ этотъ день у насъ раненъ начальникъ артилеріи горы шт.-кап. Андреевъ четырьмя осколками.

2-го августа въ 1 ч. 15 м. ночи непріятель двинулся на Угловую съ фронта и съ лѣваго фланга. Перестрѣлка продолжалась до 3 ч. 15 м. утра, послѣ чего японцы отступили, а въ 4 ч. 30 м. начали опять усиленную бомбардировку горы, продолжавшуюся до 9 ч. утра.

Съ 4-хъ часовъ дня бомбардировка опять возобновилась и продолжалась до 7-ми ч. вечера. У насъ было разрушено много блиндажей и часть окоповъ.

3-го августа японская артилерія не стрѣляла, вѣроятно, не было снарядовъ. Наши исправляли окопы. Около 9-ти часовъ вечера подъ горой началась учащенная ружейная стрѣльба, и шагахъ въ 1,200 появилась цѣпь непріятеля, а позади ея значительно, въ совершенной тишинѣ, двигались штурмовыя колонны.

Защитники горы, побросавъ шанцевый инструментъ, стали на мѣста и открыли огонь пачками.

Штурмовыя колонны заматались то вправо, то влѣво и, наконецъ, скрылись въ лѣвомъ ущельи. Это было около 11 ч. ночи. Но наши люди просидѣли въ окопахъ до самаго утра, ожидая повторенія атаки. Израсходовали больше 12,000 патроновъ. 4-го и 5-го

августа люди подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля поправляли окопы и блиндажи.

Къ 4-го августа саперныя работы были доведены до проектированной профили, и 4-го же августа открылась по горѣ особенно усиленная бомбардировка. Наши орудія съ горы пробовали отвѣчать, но успѣху ихъ мѣшала ничтожная причина—они совершенно не видали поражающихъ ихъ батарей, а люди показывались только внѣ артилерійскаго выстрѣла; поэтому наши полевые орудія были спрятаны, и очень жаль, что 150 мм. орудія нельзя было спрятать такъ же, какъ и полевые.

5-го августа обстрѣливаніе горы значительно усилилось, и начали страдать сильно стрѣлковые окопы и блиндажи. Комендантъ горы подполковникъ Лисаевскій доносилъ, что онъ опасается штурма; поэтому я резервы наши передвинулъ къ Высокой горѣ.

По ночамъ, у подошвы Угловой, начали происходить отчаянные штыковые схватки съ нашими охотниками, занимавшими охранную цѣпь. Вѣрный признакъ близкаго штурма.

Ночью съ 5-го на 6-е японцы подошли къ Угловой большими массами, которыя залегли за ближайшими гребнями горъ. Подполковникъ Лисаевскій весь гарнизонъ поставилъ въ ружье и открывалъ пальбу, какъ только колонны показывались впереди гребней. Нѣсколько разъ непріятель пытался подойти къ горѣ, но не могъ этого сдѣлать. По тревогѣ съ Высокой и Дивизионной горъ полетѣли свѣтящіяся ракеты, и засвѣтили въ первый разъ прожекторы. Картина вышла грозная и вмѣстѣ восхитительная. Японцы, во время открываемые свѣтомъ, поспѣшно убирались за гребни, каждый разъ оставляя передъ Угловой громадное количество убитыхъ. Наконецъ, они прекратили попытки перейти въ наступленіе, и остальная часть ночи прошла въ мелкихъ стычкахъ и перестрѣлкѣ съ цѣпями.

Рано утромъ, 6-го августа, когда только что начало разсвѣтать, меня разбудила страшная канонада. Выскочивши изъ комнаты, я увидалъ надъ Угловой тучу дыма отъ разрывавшихся шрапнелей. Чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло, я поскакалъ на Плоскую гору.

Когда я взобрался на нее, картина боя для меня не выяснилась. Чтобы увидѣть глазами, что происходитъ передъ Угловой, я влѣзъ на лѣвый флангъ Длинной. На правый флангъ Угловой наступала густая цѣпь, на центръ шли цѣпь и колонны, то скрываясь въ долинахъ, то поднимаясь на хребты. Съ лѣваго фланга слыша-

лась страшная ружейная трескотня нашихъ ротъ на Соединительномъ кряжѣ. Главная атака велась на лѣвый флангъ Угловой, но этого я не замѣчалъ; этого мѣста мнѣ не было видно. Наступающіе такъ держались, что наша артилерія ихъ не могла видѣть, но отъ ружейнаго огня они страдали страшно. Съ Угловой горы спустились люди съ донесеніями.

Чтобы ихъ перехватить, я опять перешелъ на Плоскую, гдѣ ко мнѣ прискакалъ и полковникъ Ирманъ.

Чтобы быть въ центрѣ атакованныхъ горъ и на пути всякихъ донесеній, мы перешли на холмъ, между Длинной горой и Соединительнымъ хребтомъ. Намъ казалось, что это мѣсто очень удобно для наблюденій, но оно было плохо тѣмъ, что всѣ перелеты изъ орудій и винтовокъ ложились именно въ этомъ мѣстѣ. Резервъ (7-я рота 28-го полка) мы переставили за лѣвый флангъ Длинной горы.

По телефону съ Высокой мы сообщили начальнику артилеріи, чтобы онъ сосредоточилъ возможно больше огня передъ Угловой горой, въ ближайшихъ къ ней лощинахъ.

Черезъ $\frac{1}{4}$ часа загудѣла наша канонада, и бомбы всякихъ калибровъ начали лопаться въ указанномъ нами мѣстѣ. Японская артилерія неистовствовала надъ Угловой, и непрерывная вереница раненыхъ потекла съ горы, мимо насъ за Высокую гору, гдѣ былъ главный перевязочный пунктъ. Часовъ до 4-хъ продолжалась эта неистовая бомбардировка. Люди страшно убывали. Весь тылъ атакованныхъ горъ буквально былъ засыпанъ гранатами. Меня сильно контузило въ лѣвый бокъ камнемъ отъ разрыва гранаты.

Имѣя въ виду, что правый флангъ Соединительнаго хребта былъ весьма вѣроятнымъ пунктомъ атаки (много необстрѣленныхъ пространствъ передъ нимъ) и видя сильный артилерійскій огонь, направленный противъ этого пункта, я послалъ 7-ю роту 28-го полка, капитана Франца, стать въ резервъ за этимъ мѣстомъ.

Около 4-хъ часовъ залпы и стрѣльба пачками усилилась до максимума. Японцы двинулись на штурмъ, нельзя сказать, что колоннами, а большими кучами, но до укрѣпленій не дошли. Наши стрѣлки положили ихъ большія сотни, и мнѣ казалось, что штурмъ повсюду отбить. Каково-же было наше удивленіе, когда отъ командира 10-й роты, капитана Астафьева, пришло извѣстіе, что вся его 1-я полурота, кромѣ 10 человѣкъ, уничтожена артилеріей непріятели, и во время штурма японцы заняли пустые окопы этой полуроты. Но оставшіеся 10 человѣкъ не отступили (они были от-

дѣлены отъ занятыхъ окоповъ скалой) и сидятъ въ своемъ окопѣ. Впослѣдствіи я обѣщаль этимъ молодцамъ, что имена ихъ золотымъ буквами написанныя будутъ вывѣшены въ 10-й ротѣ на вѣчныя времена, это обѣщаніе нужно выполнить. Этотъ взятый японцами окопъ былъ подъ скалой, и сверху сойти въ него было очень трудно. Резервовъ у насъ больше не было, поэтому я послалъ на Высокую и Фальшивую горы, чтобы оттуда прислали по полуротѣ отъ 4-й и 8-й ротъ нашего полка. Съ этими людьми я хотѣлъ выбить японцевъ изъ занятаго ими окопа. Послалъ и къ генералу Кондратенко за помощью.

Съ Угловой горы подполковникъ Лисаевскій доносилъ, что японцы, перебѣгая по одиночкѣ, пріютились у эскарпа и перебрасываются съ нашими стрѣлками камнями.

Часу въ 6-мъ, мы собрали двѣ роты 13-го полка и попробовали атаковать японцевъ въ окопахъ 10-й роты; ихъ было тамъ чело-вѣкъ 100. Роты быстро вышли на вершину утеса и остановились, такъ какъ прыгать внизъ оказалось очень высоко. Ихъ замѣтила японская артилерія и открыла страшный огонь. Стоять на вершинѣ открыто было невозможно, и роты отошли назадъ за переваль.

Въ 7 ч., или около того, къ намъ пріѣхалъ генералъ Кондратенко и подошли четыре роты 13-го полка: 2-я, 6-я, 7-я и 9-я, подъ командами баталіонныхъ командировъ капитановъ: Гусаковскаго и Гаврилова.

Рѣшили японцевъ выбить изъ окоповъ 10-й роты. Для этого я послалъ къ неудачно атаковавшимъ еще одну роту. Атаку повторили, но результаты были почти тѣ же (очень круто было прыгать и прямо на штыки японцамъ), которыхъ съ вершины было не видно, а артилерія сметала людей съ вершины. На этотъ разъ половина ихъ засѣла за камнями на самой вершинѣ, и я былъ спокоенъ за то, что японцы не займутъ гору, и имъ на скалу взлѣзть будетъ трудно. Чтобы избѣгнуть потерь отъ артилеріи, рѣшилъ атаковать ночью и для организациі этого дѣла послалъ капитана Гусаковскаго съ одной ротой.

Полуроты 5-го полка я вернулъ на свои мѣста.

Впослѣдствіи оказалось, что 7-й роты 28-го полка на указанномъ мѣстѣ не было; она почему то перешла въ тыльный блиндажъ Угловой горы; какъ капитанъ Францъ сдѣлалъ это передвиженіе, я не видалъ.

Все это время шла сильная перестрѣлка и страшная бомбардировка Угловой горы, на которой силы наши таяли не по часамъ,

а по минутамъ. Съ горы просили помощи, почему туда была отправлена охотничья команда 27-го полка, шт.-кап. Османова, только что къ намъ пришедшаго.

Команда эта, съ командиромъ во главѣ, спокойно поднялась на гору; но изъ хвоста ея остались у подошвы горы человѣкъ 5, видимо оробѣвшихъ. Я не послалъ понудить ихъ взойти на гору, такъ какъ уже изъ опыта зналъ, что нѣсколько трусовъ изъ храброй роты могутъ испортить все дѣло.

Потокъ раненыхъ съ горы все усиливался; проходя подъ густо лежащимися пулями и снарядами, многіе изъ этихъ страдалцевъ кончали свое существованіе. Мы были свидѣтелями, какъ раненый, котораго несли два нашихъ писаря, былъ убитъ попавшей въ него гранатой; съ нимъ вмѣстѣ покончилъ свои дни и одинъ изъ несущихъ; другой какимъ то чудомъ остался живъ. Но вотъ проходить мимо меня большая группа раненыхъ, за ними на носилкахъ несутъ офицера; артилеристъ, очень молодой; онъ машетъ шапкой и въ страшномъ экстазѣ что то говоритъ. Что онъ говорилъ, я не помню, такъ какъ мое вниманіе было отвлечено другими носилками—мнѣ показалось, что несутъ знакомаго офицера.

Когда носилки подошли ближе, я узналъ раненаго—это былъ наша надежда, комендантъ горы, подполковникъ Лисаевскій. Онъ былъ весь въ крови и въ пыли. Пуля пробила ему нижнюю челюсть и языкъ, а другая покалечила руку.

Отъ потери крови, онъ еле говорилъ. Въ его отсутствіе на горѣ дѣла могли пошатнуться.

Этотъ старый служака всегда проявлялъ удивительную энергію и распорядительность. Въ 5-й полкъ онъ былъ назначенъ ген. Фокомъ, который за что то остался имъ недоволенъ, почему вмѣсто командованія полкомъ, подполковникъ Лисаевскій попалъ въ командиры 2-го баталіона 5-го полка. Не угадалъ въ немъ ген. Фокъ великой силы духа; эта сила ярко проявилась при оборонѣ Угловой горы. Старикъ подполковникъ за поясъ заткнулъ всѣхъ молодыхъ.

Онъ безстрашно ходилъ по горѣ, ободряя солдатъ и, направляя ихъ дѣйствія, слѣдилъ зорко за непріателемъ и во время вызывалъ свой малочисленный резервъ для дѣйствія, и отъ мѣткихъ и дружныхъ залповъ защитниковъ пухомъ разлетались густыя колонны атакующихъ. Когда солдаты хотѣли отнести его на перевязочный пунктъ—этотъ герой сказалъ: «оставьте братцы, я хочу умереть съ вами». Съ болью въ сердцѣ проводилъ я старика, боясь, чтобы шаль-

ная пуля или бомба не покончила съ этимъ доблестнѣйшимъ воиномъ русскаго войска. Но, слава Богу, онъ благополучно перешелъ черезъ переваль Высокой горы, значить будетъ живъ. вмѣсто подполковника Лисаевского, комендантомъ горы былъ назначенъ мною командиръ 9-й роты 5-го полка шт.-кап. Бѣлозеровъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ полка.

Къ вечеру на Угловую гору потребовалась помощь. Гарнизонъ такъ усталъ, что не могъ работать по исправленію поврежденій, а ихъ было много. Верхняя батарея была разбита; были подбиты почти всѣ полевые орудія, и ихъ ложементы разбиты. Разбитыми также оказались и почти всѣ блиндажи въ траншеяхъ, и бруствера ихъ разрушены на половину; всѣ закрытія отъ шрапнельнаго огня также были уничтожены бомбами.

Трудно оборонять такіе пункты безъ казематированныхъ помѣщеній; что могутъ сдѣлать стрѣлки на вершинѣ отовсюду видимой горы противъ тяжелой артилеріи и фугасныхъ гранатъ полевыхъ орудій. Въ этотъ день 3-я и 9-я роты 5-го полка потеряли половину своего состава.

Къ вечеру артилерійская канонада стихла. Потокъ раненыхъ также прекратился, и мы вздохнули спокойно. Наше общество на центральномъ холмѣ увеличилось нѣсколькими офицерами резерва. Мы даже чѣмъ то стали закусывать.

Людымъ на линіи поднесли говядину, хлѣбъ и горячій чай. Кухня на тыльной сторонѣ Угловой горы, какъ то уцѣлѣвшая, также работала.

Ген. Кондратенко вызвалъ еще двѣ роты въ резервъ, и для работъ на гору послали двѣ роты 13-го полка. Много смѣялись надъ японцами, забравшимися въ окопы 10-й роты и теперь чувствовавшими себя, какъ мыши въ мышеловѣ. Оставшаяся 1-я полурота и 10 человекъ 2-й штыками не пускали ихъ распространяться по окопамъ, а впередъ имъ ходъ былъ запертъ стоявшими на горѣ.

Ночью ихъ должны были всѣхъ переколотъ. Вотъ уже спустилась и почъ; уже началась обыкновенная ночная стрѣльба по спустившимся съ горъ охраннымъ цѣпямъ, а атаки японцевъ въ окопахъ 10-й роты нашими ротами не слышно. Посылаю спросить, почему не атакуютъ. Долго ждалъ отвѣта. Ночь была темная; все было тихо, только изрѣдка птичками свистали надъ нами гдѣ то высоко непріятельскія пули, да изрѣдка шипя, какъ страшное чудовище, огненнымъ змѣемъ поднималась высоко въ небо наша

свѣтящаяся ракета и, рассыпавшись на тысячи чудныхъ свѣтлыхъ звѣздочекъ, чарующимъ свѣтомъ озаряла и мрачныя горы, и темныя ущелья.

Духъ бодръ, да плоть немощна. Это изрѣченіе было истиной и для насъ, и для нашихъ солдатъ. Сколько разъ мы были свидѣтелями подтвержденія ея, сколько разъ японцы пользовались изнуреніемъ нашихъ людей, напали на сонныхъ и овладѣвали важными пунктами позицій (такимъ образомъ, взять Дагушань, наша Мертвая сопка и другія).

Вотъ когда мы поняли, что значить защищать крѣпость безъ общей ограды и безъ достаточнаго количества долговременно укрѣпленныхъ пунктовъ. Теперь я также ясно понимаю, что долговременныя постройки съ гласисообразными рвами, какъ предлагалъ когда то Глинка-Янчевскій, не дадутъ спокойнаго отдыха обороняющемуся, а въ этомъ отдыхѣ великая сила.

За этотъ день мы порядкомъ таки устали, и не мудрено, что прилегли на землю, задремали. Сильная ружейная пальба заставила насъ вскочить на ноги. Полетѣли свѣтящіяся ракеты; мѣстность освѣтилась, какъ волшебнымъ свѣтомъ, и пальба умолкла. Съ горъ прислали сказать, что стрѣляли по японцамъ, разрушающимъ сѣти. Ихъ было не особенно много, но сѣти они нѣсколько повредили. Зато почти всѣ полегли у этихъ сѣтокъ. Очень плохо, что имъ удалась эта операція. Приказалъ, чѣмъ можно, поправить, но я зналъ, что запаса проволоки на горахъ не было.

Проволока эта у насъ буквально цѣнилась на вѣсъ золота, и я былъ счастливъ, когда удавалось достать ее для укрѣпленія того или другого пункта, а нужна была она всюду.

Подобныхъ этой тревогѣ, ночью было нѣсколько, а капитанъ Гусаковскій атаки на японцевъ все еще не производилъ.

Вскорѣ однако я получилъ записку, что, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, онъ рѣшилъ произвести атаку на разсвѣтѣ.

Теперь, спокойно подумавши, я пришелъ къ заключенію, что японцевъ въ траншеѣ можно и оставить. Эта сотня не могла влѣзть и занять гору, которую защищаетъ цѣлая рота, а помощи большой они получать не могутъ, такъ какъ помощь такая будетъ уничтожена прежде, чѣмъ она къ нимъ подойдетъ. Доложивши мои соображенія около меня сидящему полковнику Ирману, я получилъ отъ него подтвержденіе ихъ правильности и потому атаку приказалъ отставить, а ротамъ, кромѣ одной засѣвшей за камни, отойти въ болѣе безопасное мѣсто, между Угловой горой и Соединитель-

нымъ кряжемъ; а одну изъ отошедшихъ ротъ приказаль поставитъ въ резервъ за Угловой горой. Итакъ въ резервъ горы, значитъ въ непосредственномъ распоряженіи коменданта ея, теперь собралось три роты. Въ общемъ-же резервъ у меня осталось двѣ приходившихъ вечеромъ. До утра оставалось еще нѣсколько часовъ и мы, поспѣшили ими воспользоваться, чтобы немного заснуть. Отошли подъ Длинную гору, чтобы не слышать стонъ проносимыхъ по дорогѣ тяжело раненыхъ.

Наши санитары (музыканты, писаря полковой канцеляріи и добровольцы изъ города), пользуясь ночной безопасностью, отыскивали ихъ по оврагамъ, траншеямъ и разрушеннымъ блиндажамъ и несли за Высокую гору.

Солнце еще не всходило, когда артилерія непріятеля опять начала свое разрушительное дѣло. Досаднѣе всего было то, что протѣлывала она это совершенно безнаказанно.

Понемногу начала завязываться и ружейная перестрѣлка. Когда разсвѣло, роты на Соединительномъ хребтѣ замѣтили очень близко выѣхавшую японскую батарею, открыли пальбу залпами, и батарея съ большимъ урономъ скрылась.

Въ уничтоженіи батареи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ подпоручикъ Бицюкъ, тутъ же второй разъ раненый въ ногу.

За выѣздомъ батареи, началась атака пѣхоты, и часамъ къ 7-ми разгорѣлась сильная перестрѣлка.

Всѣ командиры ротъ на Соединительномъ кряжѣ были выведены изъ строя, и тремя ротами командовалъ одинъ заурядъ-прапорщикъ Агаповъ. Я вызвалъ изъ штаба всѣхъ офицеровъ для командованія этими ротами; явились поручикъ Васильевъ и подпоручикъ Галилѣевъ.

Какое большое значеніе на исходъ боя можетъ оказать одинъ человекъ, не только офицеръ, но и простой рядовой.

Во время многихъ боевъ мною замѣчено и понято то напряженное состояніе, которое испытываетъ всякій обыкновенный человекъ передъ лицомъ смерти.

Желаніе укрыться отъ грозящей опасности такъ велико, что его едва можетъ побороть сила воли обыкновеннаго человека.

Подавленный этимъ ощущеніемъ, человекъ теряетъ способность оцѣнивать обстоятельства и дѣйствуетъ или въ силу привычки, или слѣдуетъ примѣру начальника, или сосѣда (эта истина извѣстная, но она становится совершенно ясною только человеку,

бывшему въ бою около солдатъ). И вотъ этотъ сосѣдь не выдерживаетъ и бѣжитъ назадъ. Только герой не послѣдуетъ его примѣру, а обыкновенный человѣкъ такъ же побѣжитъ; за нимъ послѣдуетъ его сосѣдь и т. д., и вся часть отступаетъ въ беспорядкѣ.

Беспорядочное отступленіе всегда начинается бѣгствомъ одного человѣка, и этотъ одинъ человѣкъ въ большинствѣ случаевъ слабый физически или отъявленный мерзавецъ; послѣднее рѣже. Вотъ почему необходимо брать въ солдаты только физически крѣпкихъ людей, ибо почти всякій слабый носить въ себѣ причину отступленія и проигрыша дѣла. Нужно предпочесть сотню отборныхъ людей двумъ и болѣе сотнямъ слабыхъ, хотя бы даже и хорошо обученныхъ.

Тутъ къ слову нужно прибавить, что утомленный человѣкъ дерется куда хуже, чѣмъ сохранившій свои силы, а маршируетъ усталый человѣкъ совсѣмъ плохо; поэтому намъ необходимо бросить все, что нашъ солдатъ носить въ ранцѣ и затѣмъ положить въ этотъ ранецъ слѣдующіе предметы: 1 рубашку, 1 кальсоны, 1 пару портянокъ, пучекъ пакли, маслянку, нѣсколько иголокъ, 1 пучекъ нитокъ и сухарей на два дня. Все остальное самымъ рѣшительнымъ образомъ долой. Совершенствуйте интендантскую часть, но солдатъ долженъ быть облегченъ и украшенъ, добавлю къ этому, чтобы врагъ не смѣлъ насъ называть оборванцами. Украшайте солдата настолько, чтобы и невзрачный походилъ на браваго воина: красивый нарядъ высоко поднимаетъ духъ солдатъ, онъ поэтизируетъ его душу.

Необходимо также усилить знанія солдатъ по полевой окопной части; въ этихъ знаніяхъ и способности къ окопной работѣ онъ долженъ сравняться съ саперомъ и въ военное время не требовать руководителей.

Но для этого нужно еще увеличить почти вдвое его лопату и и вдвое же удлинить ея черенокъ, т. е. вѣсь лопаты съ черенкомъ довести до 3 ф. 34 з. (саперная лопата вѣситъ 4 ф. 52 з. а вѣсь малой 2 ф. 34 з.), и все это сдѣлать рѣшительно необходимо и не медля. Въ 5-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ полку не только унтеръ-офицеры, но даже и рядовые могли указать, гдѣ нужно поставить окопъ и какой глубины и длины его сдѣлать.

Стрѣлки сильно осуждали саперъ за то, что тѣ имъ построили окопы съ облокотнымъ уступомъ, такъ какъ по опыту знали, какое значеніе можетъ имѣть кусокъ земли, вынутый вдоль линіи огня.

Они говорили, что саперы это дѣлаютъ потому, что не были подъ шрапнелью и не умѣютъ прикладываться изъ за закрытія...

Часовъ въ 8 утра пріѣхалъ ген. Кондрашенко и нашель, что дѣла идутъ отлично. Но страшная перестрѣлка и бомбардировка не утихали.

Около 11 ч. съ горы донесли, что японцы атакуютъ Угловую гору съ лѣваго фланга, и прапорщикъ Шишкинъ убитъ. Немедля по телефону дали знать начальнику артилеріи о сосредоточеніи артилерійскаго огня въ долину передъ Угловой горой, и немедля же наши снаряды загудѣли по указанному направленію. Японская артилерія положительно неистовствовала.

Съ горы получилъ скорбное донесеніе, что окопы разбиты. Просили подкрѣпленія не меньше роты, такъ какъ защитниковъ осталось мало. Я самъ видѣлъ, что на гору пошелъ ея послѣдній резервъ, а оттуда спускалась большая вереница раненыхъ и между ними новый комендантъ шт.-кап. Бѣлозеровъ. Когда его поднесли ко мнѣ, онъ былъ въ сильно ажитированномъ состояніи.

Японская пуля попала ему въ правую сторону груди и, конечно, прошла насквозь. Онъ былъ въ одной окровавленной рубашкѣ. Подойдя ко мнѣ очень близко, онъ сказалъ мнѣ почти шепотомъ: «Посылайте скорѣй роту. Нужно назначить комендантомъ нашего подпоручика Иванова». Подпоручикъ Ивановъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храбрецовъ 5-го полка. Когда были вызваны охотники для уборки раненыхъ на Боковой горѣ, подпоручикъ Ивановъ вызвался идти съ командой въ 25 человекъ, также вызвавшихся съ прапорщикомъ броненосца «Полтава» Алалыкинымъ. Подойдя къ японской охранной цѣпи, увидѣли, что за нее проникнуть всему отряду нельзя. Тогда подпоручикъ Ивановъ одинъ поползъ въ районъ расположенія неприятеля, нашель тамъ раненаго фейерверкера и, взваливъ его себѣ на плечи, потащилъ къ своимъ. На пути его встрѣтилъ младшій унтеръ-офицеръ 9-й роты Серпуховъ, также удачно пробравшійся черезъ цѣпь японцевъ, и они вдвоемъ благополучно принесли раненаго къ оставленной командѣ и дальше на Угловую гору. Тотчасъ же послалъ приказаніе подпоручику Иванову быть комендантомъ горы.

Потеря подполковника Лисаевского и шт.-кап. Бѣлозерова была невознаграждима. Шт.-кап. Бѣлозеровъ былъ истиннымъ героемъ. 7-го августа была на Угловой горѣ минута, когда на лѣвомъ ея флангѣ взводы 28-го и 13-го полковъ не выдержали и дали тылъ. Шт.-кап. Бѣлозеровъ бросается наперерѣзъ бѣгущимъ. Нѣсколько

воодушевляющихъ словъ и указаніе на срамъ, который они заслужать для своихъ полковъ, и люди бѣгутъ обратно на свои мѣста. Шт.-кап. Бѣлозеровъ былъ раненъ въ тотъ моментъ, когда выскочилъ на брустверь, чтобы посмотрѣть хорошенько, гдѣ непріятель и что онъ предпринимаетъ.

Удержать гору можно было только цѣною тяжелыхъ потерь, и мы на это рѣшились. Я долженъ былъ самъ идти на гору и посылать туда нашъ послѣдній резервъ.

Въ это время къ намъ пріѣхали завѣдывающій лазаретомъ Краснаго Креста егермейстеръ И. П. Балашовъ, со своимъ помощникомъ французскимъ подданнымъ м-г Торданъ и генераль Фокъ. Это неожиданное посѣщеніе насъ очень обрадовало.

Мы были страшно поражены смѣлостью и спокойствіемъ нашего дорогого и всѣми любимаго И. П. Балашова. Пули въ это время свистали довольно назойливо для того, чтобы у небывшаго подь огнемъ человѣка нѣсколько разстроились нервы.

Но нашъ штатскій генераль и его товарищъ какъ будто бы и не чувствовали опасности.

Генераль Фокъ не преминулъ изложить свой взглядъ на положеніе дѣлъ и рѣшительно заявилъ, что намъ на горѣ нужно держаться, по крайней мѣрѣ, до ночи, Это, положимъ, и для насъ было ясно. Отступать днемъ подь близкимъ огнемъ непріятеля очень тяжело; а генераль Кондратенко выразилъ даже желаніе удерживать гору за нами на неопредѣленно долгое время, не смотря на то, что стоять подь градомъ крупныхъ и мелкихъ артиллерійскихъ снарядовъ безъ всякихъ укрытій отъ ихъ губительнаго дѣйствія, было больше, чѣмъ трудно. Въ это время (около 12 ч.) съ горы прибѣжалъ стрѣлокъ съ запиской отъ подпоручика Иванова. Онъ требовалъ немедленной и сильной помощи—люди и офицеры колеблются, писалъ онъ. Необходимо было посылать.

Я зналъ, что подпоручикъ Ивановъ не будетъ напрасно просить помощи. Доложилъ генералу Кондратенко (тогда у насъ оставалась въ резервѣ одна рота); рѣшили послать требуемую помощь. Но услыхалъ это распоряженіе ген. Фокъ и вознегодовалъ на нашу неопытность. «Какъ», говорилъ онъ, «вамъ нужно держаться до ночи, а вы посылаете свой послѣдній резервъ». «Да вѣдь нужно!» возражалъ я. «Совсѣмъ не нужно!»—заявилъ ген. Фокъ.

«Знаете, Николай Александровичъ», обращается ко мнѣ ген. Кондратенко, «пождемъ еще немного».

Я съ ужасомъ увидѣлъ, что ген. Фокъ своимъ увѣреннымъ тономъ поколебаль волю ген. Кондратенко, а у меня не хватило гражданскаго мужества возразить ему и настоять на посылкѣ послѣдней роты.

Полковникъ Ирманъ меня также не поддержаль, а онъ былъ моимъ ближайшимъ начальникомъ.

Прошло около получаса съ момента требованія помощи. Г. Балашовъ съ М-г. Торданомъ распростились съ нами, заявивши, что съ нихъ всего этого совершенно достаточно. Ген. Фокъ также уѣхаль. А бой разгорался все больше и больше, и вотъ появился первый зловѣщій признакъ колебанія.

Я замѣтилъ, что съ горы сбѣжало три стрѣлка, за ними три человекъ безъ винтовокъ, Я обратилъ вниманіе ген. Кондратенко на это обстоятельство, и онъ видимо понялъ свою ошибку, такъ какъ сказалъ мнѣ: «Охъ, теперь не успѣемъ». И дѣйствительно, за тремя безъ винтовокъ быстро сбѣгали еще человекъ 20, а за ними посыпала съ горы цѣлая рота.

На самой горѣ люди забѣгали, какъ муравьи, когда растревожатъ ихъ муравейникъ, а куча человекъ въ 50 бросилась къ верхней батарее, стала прямо на брустверъ и начала стрѣлять внизъ по ложеамтамъ. Впереди этой кучи, съ шашкой наголо, я замѣтилъ нашего заурядъ-прапорщика Щепакіна, и сердце задрожало отъ чувства гордости за 5-й полкъ. Это были люди 5-го полка, которые не теряли надежды отстоять гору, не смотря на то, что всѣ ихъ бросили. Въ это время адскій огонь японской артилеріи направился на эту кучку героевъ, и всю вершину горы заволокло дымомъ, японцы никогда не стѣснялись стрѣлять черезъ своихъ. Что тамъ было, я не видалъ, такъ какъ всѣ мы—ген. Кондратенко, полковникъ Ирманъ и я бросились останавливать отступающихъ людей. Трудно было это сдѣлать, но все-таки удалось. Резервъ я высыпалъ по нашей центральной горкѣ, и отступавшіе люди заняли позицію вмѣстѣ съ этимъ резервомъ отъ самой Длинной горы и до Соединительнаго кряжа. Не медля было по телефону передано приказаніе направить на Угловую сколько возможно больше орудій.

Желтые околыши уже появились на вершинѣ и направили на насъ довольно сильный, хотя и не очень мѣткій огонь.

Въ это время на эту же вершину посыпался такой адскій градъ нашихъ снарядовъ, что съ вершины во мгновеніе ока было сметено все живое на горѣ, и японцы не осмѣливались показываться на горѣ даже и послѣ прекращенія канонады.

Трудно держаться въ простыхъ полевыхъ окопахъ противъ осадной артилеріи, поставленной на близкой дистанціи отъ цѣли.

Съ паденіемъ Угловой, намъ уже нельзя было держаться на Соединительномъ кряжѣ, и приходилось его очистить, что ген. Кондратенко и приказалъ мнѣ сдѣлать, а самъ поѣхалъ домой, такъ какъ былъ страшно утомленъ и еле стоялъ на ногахъ.

Полковникъ Ирманъ уѣхалъ съ нимъ же.

Пользуясь тѣмъ, что японцы не осмѣливались показываться на Угловой горѣ, я спокойно отвелъ роты и артилерію съ промежуточного кряжа и расположилъ ихъ пока бивакомъ за Длинной и Дивизионной горами.

За 6-е и 7-е августа изъ 3-й роты вышло 62 ч., т. е. половина всего состава. Изъ 9-й роты за тѣ же числа вышло 120 чел., и осталось въ строю 48 ч. Наши роты отступили послѣ всѣхъ.

Потери наши при оборонѣ Угловой горы простирались до 1000 человѣкъ. Изъ нихъ убитыхъ было не болѣе третьей части этого количества.

Но, принимая во вниманіе, что эта потеря, главнымъ образомъ, была понесена на Угловой и ближайшемъ къ ней краю Соединительнаго кряжа, гдѣ одновременно могло дѣйствовать только четыре роты, численностью не болѣе 800 человѣкъ, то потеря въ 1000 человѣкъ на одномъ пунктѣ можетъ дать полное понятіе о силѣ японскаго огня по этому пункту.

Если бы мы рѣшились взять гору обратно, что сдѣлать было нетрудно, то каждый день обладанія ею намъ стоилъ бы больше, чѣмъ 500 человѣкъ, такъ какъ окопы мы не были бы въ состояніи довести до такой степени совершенства, какой они обладали до разрушенія, и моего полка, оборонявшаго Угловую гору, хватило бы только на четыре дня, такъ какъ вмѣстѣ съ пополненіемъ его людьми 28 полка и пѣшими дружинниками, численный составъ не превосходилъ 1800 человѣкъ.

Къ оборонѣ моего участка въ нужныя минуты, что ясно видно изъ предыдущаго изложенія, привлекались и другія части. Но эти же части были необходимы и для другихъ секторовъ обороны.

Кромѣ 1000 человѣкъ, мы потеряли двѣ длинныхъ 150 мм. пушки, 4 полевыхъ орудія, два пулемета и 4 полевыхъ мортиры. Впрочемъ двѣ изъ нихъ были нашими людьми взяты обратно, во время послѣдующихъ вылазокъ къ подножію Угловой горы.

Съ паденіемъ Угловой, необходимо было тотчасъ же озаботиться усиленіемъ окоповъ на Дивизионной, Длинной, Плоской и Высокой горахъ.

Окопы на нихъ были далеки до совершенства, кромѣ, впрочемъ, Высокой, гдѣ траншеи также, какъ и на Угловой, были снабжены и блиндажами, и легкими укрытіями отъ шрапнели и загорожены проволочными сѣтями.

Но опытъ обороны Угловой показалъ намъ, какъ ничтожны были наши укрѣпленія, сравнительно съ разрушительными средствами непріятеля. Поэтому необходимо было значительно усилить всѣ укрѣпленія Высокой.

Все это нужно было сдѣлать раньше, но недостатокъ инструмента, да и людей заставляли насъ во все время обороны укрѣплять только передовыя позиціи; исключеніе составляла Высокая гора, которая, какъ важнѣйшій пунктъ обороны, всегда привлекала особенное мое вниманіе.

Приходилось опять работать и день, и ночь. Вотъ что я предполагалъ сдѣлать: на Длинной горѣ четыре взводныхъ окопа соединить въ одинъ, во всю длину горы; изъ него вывести нѣсколько ходовъ сообщенія въ тылъ горы, гдѣ вырѣзать уступы, для безопаснаго помѣщенія блиндажиковъ и палатокъ для обороняющихся гору ротъ; у подошвы устроить кухни и перевязочный пунктъ вблизи отъ батареи длинныхъ 6 орудій; устроить погребъ для патроновъ, снарядовъ и зарядовъ и землянку для коменданта.

Окопъ на вершинѣ Плоской горы превратить въ редутъ и впереди него, вдоль этой горы, поставить нѣсколько окоповъ, обезпечивши ими будущую позицію на этой горѣ.

Всѣ блиндажи Высокой горы сдѣлать прочнѣе и подпереть держащія покрытіе балки прочными столбами такъ, чтобы блиндажъ стоялъ даже и тогда, когда брустверъ будетъ разрушенъ.

Къ работѣ приступили въ первую же ночь, послѣ взятія Угловой горы.

На занятыхъ нами позиціяхъ мы размѣстились слѣдующимъ образомъ: Дивизионную гору занимали 5, 7, 11 роты 5 полка, 2 и 3 охотничьи команды 5 полка и 9 рота 27 полка, капитана Биденко. Длинную: двѣ роты моряковъ подъ командой стрѣлковыхъ офицеровъ Афанасьева и Сѣдельническаго, подъ общимъ начальствомъ капитана 2-го ранга Иванова 4-го, но за его болѣзнь, я назначилъ лейтенанта Щербачева. 7-я рота 29-го полка и 2-я рота

того же полка, подъ командой капитана Сохацкаго и одна рота 13-го полка. Мертвую сопку оборонялъ взводъ моряковъ. На высокой, какъ и прежде, стояли 2-я и 4-я роты 5-го полка. Въ резервѣ у меня было три роты 4-го запаснаго батальона; они же были и ночными рабочими, за то днемъ все время спали.

Съ уменьшеніемъ линіи обороны, мы значительно усилились, и я уже не боялся внезапныхъ штурмовъ; но послѣдующее грустное обстоятельство опять отняло отъ меня спокойствіе духа.

Въ ночь съ 9-го на 10-е августа, подъ самое утро меня разбудили, и прискакавшій охотникъ доложилъ, что японцы ночью взяли Мертвую сопку.

Я сначала не повѣрилъ этому, такъ какъ стрѣльба должна была быть слышна, а ночью было все спокойно.

Когда я это произнесъ передъ охотникомъ, онъ мнѣ доложилъ, что стрѣльбы и не было, такъ какъ моряки проспали.

Впослѣдствіи оказалось, что они не спали, а работали, не выставивши охраны и были атакованы внезапно. Мертвая сопка была укрѣплена двумя окопами: одинъ былъ ближе къ подошвѣ на полуроту, а другой на взводъ, на самой вершинѣ.

Дня три до этого событія я поставилъ на эту сопку для работъ и обороны полуроту моряковъ.

По своей безпечности и незнанію охранной службы моряки ночью не выставили секретовъ, а ограничились ночными около самыхъ окоповъ.

Японцы, замѣтивши оплошность, въ небольшомъ количествѣ, подкрались къ дремавшимъ дневальнымъ, сняли ихъ и бросились въ окопъ.

Наши моряки опомнились только тогда, когда большей половины ихъ не было на свѣтѣ. Оставшіеся въ живыхъ бросились въ верхній окопъ, гдѣ находилось одно отдѣленіе стрѣлковъ, какой части теперь не припомню (вѣроятно отъ 7-й роты 28-го полка, такъ какъ они занимали правый флангъ Длинной горы). За моряками бросились японцы и на ихъ плечахъ ввалились въ верхній ложементъ. И такъ безъ шума и тревоги они заняли Мертвую сопку.

Мертвая сопка со стороны Длинной горы. По дорогѣ лежатъ наши стрѣлки. Бѣлыя пятна это брошенные палатки телефонистовъ. Окопы, обращенные къ зрителю—японокіе. Кусочекъ нашего окопа--виденъ слѣва горы.

Комендантъ Длинной горы, капитанъ 2-го ранга Циммерманъ, герой въ полномъ значеніи этого слова, узнавши о случившемся, не медля самъ организовалъ контръ-атаку и, когда люди нѣсколько замялись, самъ показалъ имъ примѣръ, бросившись впередъ съ обнаженнымъ палашомъ. Люди дружно бросились за нимъ, и Мертвая сопка была взята обратно. Къ сожалѣнію, капитанъ Циммерманъ, тяжело раненый въ руку и грудь, долженъ былъ выйти изъ строя (вынесенъ изъ боя былъ матросомъ Созиковымъ Кв. фл. эк.).

Минуть черезъ 10 послѣ обратнаго взятія сопки, неприятельская артилерія открыла по ней страшный огонь.

Въ это время я уже подѣзжалъ къ мѣсту происшествія, а за мной шла одна изъ резервныхъ ротъ, которой я приказалъ стать на мѣстѣ прежняго бивака штаба полка, возлѣ могилъ полковника Петрова и капитана Шпиллера.

Взойдя на Плоскую гору (ближайшій пунктъ къ Мертвой сопкѣ), я увидалъ, что на вершинѣ ея мелькаютъ желтые околыши. Значитъ артилерійскій огонь неприятеля сбиль нашихъ съ сопки. Такъ это и было.

Послалъ объ этомъ донесеніе.

Въ это время на мѣсто моего наблюденія прибылъ полковникъ Ирманъ съ адъютантомъ и сказалъ мнѣ, что онъ потребовалъ три роты изъ главнаго резерва.

Но пока онѣ подойдутъ, пройдетъ, по крайней мѣрѣ, часъ, и тогда неприятель успѣетъ укрѣпиться, и выбить его будетъ очень трудно.

Поэтому мы рѣшили атаковать гору не медля, и съ этою цѣлью я приказалъ 1-й охотничьей командѣ нашего полка тотчасъ прибыть ко мнѣ (она стояла на позиціи у форта № 4).

Тамъ было все спокойно, и я могъ свободно снять людей съ позиціи, не опасаясь никакихъ неприятныхъ инцидентовъ.

Полковникъ Ирманъ послалъ сообщить по телефону начальнику артилеріи крѣпости, чтобы онъ приказалъ открыть по вершинѣ Мертвой сопки артиллерійскій огонь изъ возможно большаго количества нашихъ батарей.

Загрохотали наши пушки. На вершину сопки посыпался градъ снарядовъ. Гору заволочло на мгновеніе пороховымъ дымомъ, и желтые околыши исчезли.

Чтобы посмотреть, что дѣлается на тыльной сторонѣ сопки, я пошелъ въ оврагъ впереди лѣваго фланга Дивизионной горы. Наша канонада не прекращалась.

Когда я уже подходилъ къ новому мѣсту наблюденія, со мной произошелъ непріятный инцидентъ. Надъ головой послышался ревъ падающаго на меня какого то крупнаго снаряда, и черезъ мгновеніе, шагахъ въ 10 отъ меня, что то брякнуло, земля дрогнула отъ оглушительнаго взрыва, и меня со страшной силой бросило на землю и завалило пескомъ и кусками глины. Не скоро я опомнился отъ удара и могъ продолжать мой путь.

Это упала наша 11-дюймовая бомба съ морской обороны. Она мѣтила на вершину, занятую непріателемъ, а угодила около меня.

Это не первый разъ мортиры берегового фронта дѣлають намъ такіе сюрпризы.

Однажды снарядъ 11-дюймовой мортиры попалъ въ траншею 6-й роты на Дивизионной горѣ. Къ счастью такіе инциденты проходили для насъ всегда благополучно.

Подойдя къ лѣвому флангу Дивизионной, я увидалъ, что долины мнѣ не видно; поэтому я голосомъ передалъ на Дивизионную, чтобы мнѣ сообщили, что видно въ долину за Мертвой сопкой. Мнѣ не медля передали, что въ долину нѣтъ непріателя.

Но японцы изъ своихъ окоповъ, замѣтивши меня, не преминули открыть ружейный огонь и это еще хорошо; они иногда открывали по мнѣ и пушечный. Патроновъ и артилерійскихъ снарядовъ у нихъ былъ, видимо, большой запасъ, и они ихъ не жалѣли.

Когда я вернулся къ полковнику Ирману, наши охотники уже прибыли, и мы немедленно рѣшили начать атаку. Наши охотники и рота резерва (5 рота 27-го полка) пошли прямо на гору, а съ Длинной горы должна была двинуться во флангъ одна рота изъ ея гарнизона. Труденъ былъ подъемъ на высокую и крутую гору и продолжался долго, безъ выстрѣла со стороны непріателя. Наша артилерія продолжала громить вершину. Но, когда охотники подошли близко, и рота съ Длинной горы двинулась и также подошла близко къ вершинѣ, наша артилерія замолкла, и одновременно желтые околыши опять увѣнчали гору.

Роты бросились впередъ; подъ страшнымъ огнемъ подбѣжали къ брустверу, но не рѣшились вбѣжать на него, а залегли возлѣ, въ неровностяхъ мѣстности.

Враги сошлись такъ близко, что другъ до друга легко могли добросить камнемъ. Желтые околыши спрятались за брустверь, и наши, не имѣя возможности достать ихъ пулей, начали бросать въ укрѣпленіе камнями. Японцы отвѣчали тѣмъ же; эта перепалка тянулась довольно долго.

Къ ружейному и артилерійскому огню мы уже привыкли, и онъ на насъ какъ то мало дѣйствовалъ, но эта каменная перепалка производила страшно жуткое впечатлѣніе, и досадно было, что не находилось смѣлаго человѣка, чтобы двинуть людей на брустверь, и жутко, ожидая картину неминуемаго штурма.

Но вотъ наши перестали бросать камни, видимо готовятся броситься въ штыки.

Нѣсколько человѣкъ вышли впередъ—это офицеръ и начальники изъ нижнихъ чиновъ.

«Ну, съ Богомъ, съ Богомъ», говорилъ я въ душѣ, «наконецъ люди зашевелились и полѣзли на брустверь». Желтые околыши появились надъ гребнемъ бруствера, но тотчасъ были закрыты нашими, и роты, съ крикомъ «ура», перевалились въ укрѣпленіе. Затѣмъ все замолкло.

«Ну взяли», со вздохомъ облегченія сказалъ полковникъ Ирманъ.

«Да ужъ мы его одинъ разъ брали», возразилъ я, «да ничего не вышло, артилерія выгнала, и я доложилъ объ атакѣ капитана Циммермана; нужно ждать того же и теперь». Не успѣлъ я кончить эту фразу, какъ японцы опять начали сыпать на вершину крупные снаряды своей тяжелой артилеріи.

Нѣтъ! пока наша артилерія не уничтожить этихъ проклятыхъ пушекъ, намъ трудно чтонибудь сдѣлать. Но наши экономятъ снаряды и совсѣмъ почти не борются съ непріятельской артилеріей.

Бомбы всякихъ калибровъ рѣшительно засыпаютъ всю площадь вершины, но наши не выходятъ изъ укрѣпленія. Это обстоятельство становилось даже страннымъ.

Никакихъ блиндажей въ маленькомъ укрѣпленіи на вершинѣ не было, и такой огонь долженъ былъ уничтожить всѣхъ защитниковъ.

Проходить 10 м. на вершинѣ никакого движенія. Проходить еще около 10 м.—отступленія и признаковъ нѣтъ.

Наконецъ японская артилерія прекратила огонь. «Ну», думаемъ себѣ, «гора наша». Но вдругъ на брустверѣ появился японецъ съ флагомъ.

«Что это такое. Неужели наши всѣ перебиты». И это было почти такъ; только жалкіе остатки перебрались по непріятельской сторонѣ перешейка на Длинную гору.

А японецъ стоитъ на брустверѣ и машетъ своимъ флагомъ.

Въ это время показалась голова подкрѣпленій—это была охотничья команда какого то изъ полковъ; велъ ее поручикъ Евстратовъ, высокаго роста, крѣпкаго сложенія, блондинъ съ рыжеватой бородкой. Люди шли быстро и весело; въ командѣ было небольшое 80 человекъ. «Что же васъ такъ мало, вѣдь обѣщано три роты». «Вотъ вамъ, г. полковникъ, три роты», говоритъ офицеръ. «Да гдѣ же онѣ», спрашиваю я. «А вотъ!» и офицеръ показалъ на свою команду, «это больше трехъ ротъ», продолжаетъ онъ. Я готовъ былъ расцѣловать молодца офицера.

Воспользовавшись еще небольшою командой, подошедшей за охотниками, мы рѣшили пустить ихъ въ атаку по старому пути и съ Длинной еще выслать во флангъ одну роту. Распоряженія передавали съ охотникомъ на Длинную гору. Пришедшія части не знали мѣстности, поэтому я самъ ихъ повелъ на гору и шелъ съ ними до тѣхъ поръ, пока люди ясно увидали, какъ и куда имъ слѣдуетъ наступать.

Наша артилерія опять открыла огонь по Мертвой сопкѣ, и мы видѣли, какъ слетѣлъ съ бруствера японецъ съ флагомъ, и вершина закрылась дымомъ нашихъ разрывавшихся бомбъ. Мы платили японцамъ тѣмъ же. Послѣ этого я вернулся къ полковнику Ирману.

Атакующихъ было очень мало, и мы съ нетерпѣніемъ ждали дальнѣйшихъ подкрѣпленій; но онѣ не показывались, а охотники уже дошли почти до вершины, уже началась перестрѣлка. Но вотъ охотники уже подползли къ самому брустверу. Вотъ молодецъ-офицеръ вскочилъ на брустверъ и въ кого-то стрѣляетъ изъ револьвера. За нимъ ползла на брустверъ и вся его команда и, не прыгая во внутрь укрѣпленія, залегла на его скатѣ. Видимо въ укрѣпленіи были японцы.

Подкрѣпленій все еще не было. Я не выдержалъ и побѣжалъ на позади лежащую вершину, чтобы посмотрѣть, идутъ ли роты и не отдыхаютъ ли онѣ гдѣ нибудь.

Чтобы добраться до этой вершины, нужно было перебѣжать черезъ довольно широкую балку. Спускаясь въ нее, я услышалъ японскую канонаду по горѣ, а, взойдя на намѣченное мною мѣсто наблюденія, увидалъ и идущія къ намъ роты.

Съ радостной вѣстью я вернулся къ полковнику Ирману, но онъ меня сразу охолодилъ: «Теперь уже не нужно, нашихъ опять сбили бомбами». Взглянувши на сопку, я дѣйствительно увидалъ тамъ только кучи труповъ нашихъ героевъ.

Вялыми и измученными подходили къ намъ резервныя роты. Я и полковникъ Ирманъ теперь уже не могли не сознавать, что гору удержать нельзя.

Придя къ этому печальному заключенію, полковникъ Ирманъ послалъ объ этомъ донесеніе ген. Кондратенко.

Какъ я узналъ послѣ, доблестный офицеръ, стрѣлявшій изъ револьвера въ японцевъ, поручикъ Евстратовъ, былъ раненъ осколкомъ снаряда въ животъ и умеръ въ госпиталѣ.

Мертвая сопка осталась за японцами, и усыпанная повсюду кучами и нашихъ, и японскихъ тѣлъ, все время послѣдующей осады служила укоромъ нашимъ артилеристамъ, оказавшимся недостаточно сильными, чтобы не позволить непріятелю располагаться отъ нихъ на разстояніи самаго лучшаго артилерійскаго выстрѣла, да еще съ двухъ сторонъ (съ 4-го и 5-го фортовъ).

Оборона этой горы была болѣе кратковременна, чѣмъ оборона Угловой, и на то были, конечно, свои причины. Во-первыхъ, эта горка представляла площадь въ 10 разъ меньшую, чѣмъ Угловая окопы были вырыты на взводъ; во-вторыхъ, на ней не было ни одного блиндажа, и профиль окоповъ была стоя со дна рва, а выдвинутая впередъ, за линію обороны Длинной и Дивизионной горъ, она не входила въ линіи нашей обороны и имѣла подступы, не обстрѣливаемые нашими стрѣлками.

Стрѣлкамъ негдѣ было укрыться отъ артилерійскаго огня, и они, если не выходили изъ укрѣпленія, уничтожались всѣ до одного человѣка. Но если мы эту сопку отдали японцамъ, то надѣялись, что и японцы ее не займутъ, какъ какъ наша артилерія смела бы ихъ также, какъ и японская нашихъ. Но на дѣлѣ оказалось не то.

Когда мы просили, чтобы наши артиллеристы согнали японцевъ съ этой высоты, находящейся подъ самымъ нашимъ носомъ, намъ отвѣчали, что снарядовъ такъ мало, что ихъ нужно поберечь для болѣе важныхъ цѣлей.

И японцы безнаказанно засѣли въ нашемъ окопѣ, совершенствуя его и соединяя ходомъ сообщенія съ укрытымъ отъ нашихъ выстрѣловъ пространствомъ.

Пришедшія намъ на помощь роты полковникъ Ирманъ отдалъ мнѣ для усиленія обороны Длинной горы, и это было настоятельно необходимо.

Н. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

